

Ползунков — эпизод 2 из 6

кричал чудака с своего возвышения. Господа, позвольте рассказать. Я хорошо расскажу про Федосея Николаича! Я знаю одну историю чудо!..

Расскажите, Осип Михайлыч, расскажите.

Рассказывай!!

Слушайте же...

Слушайте, слушайте!!!

Начинаю; но, господа, это история особенная...

Хорошо, хорошо!

Это история комическая.

Очень хорошо, превосходно, прекрасно, к делу!

Это эпизод из собственной жизни вашего нижайшего...

Ну зачем же вы трудились объявлять, что она комическая!

И даже немного трагическая!

А???!

Словом, та история, которая вам всем доставляет счастье слушать меня теперь, господа, та история, вследствие которой я попал в такую интересную для меня компанию.

Без каламбуров!

Та история...

Словом, та история, уж доканчивайте поскорее аполог, та история, которая чего-нибудь стоит, примолвил сиплым голосом один белокурый молодой господин с усами, запустив руку в карман своего сюртука и как будто нечаянно вытащив оттуда кошелек вместо платка.

Та история, мои сударики, после которой я бы желал видеть многих из вас на моем месте. И наконец, та история, вследствие которой я не женился!

Женился!.. жена!.. Ползунков хотел жениться!!

Признаюсь, я бы желал теперь видеть madame Ползункову!

Позвольте поинтересоваться, как звали прошедшую madame Ползункову, пищал один юноша, пробираясь к рассказчику.

Итак, первая глава, господа: то было ровно шесть лет тому, весной, тридцать первого марта, заметьте число, господа, накануне...

Первого апреля! закричал юноша в завитках.

Вы необыкновенно угадливый-с. Был вечер. Над уездным городом N. сгустились сумерки, хотела выплыть луна... ну, и всё там как следует. Вот-с, в самые поздние сумерки, втихомолочку, и я выплыл из своей квартирнки, простившись с моей замкнутой покойницей бабушкой. Извините, господа, что

я употребляю такое модное выражение, слышанное мной в последний раз у Николай Николаича. Но бабушка моя была вполне замкнутая: она была слепа, нема, глуха, глупа, всё что угодно!.. Признаюсь, я был в трепете, я собирался на великое дело; сердчишко во мне билось, как у котенка, когда его хватает чья-нибудь костлявая лапа за шиворот.

Позвольте, monsieur Ползунков!

Чего требуется?

Рассказывайте проще; пожалуйста, не слишком старайтесь!

Слушаю-с, проговорил немного смутившийся Осип Михайлыч. Я вошел в домик Федосея Николаича (благоприобретенный-с). Федосей Николаич, как известно, не то чтобы сослуживец, но целый начальник. Обо мне доложили и тотчас же ввели в кабинет. Как теперь вижу: совсем, совсем почти темная комната, а свечей не подают. Смотрю, входит Федосей Николаич. Так мы и остаемся с ним в темноте...

Что ж бы такое произошло между вами? спросил один офицер.

А как вы полагаете-с? спросил Ползунков, немедленно обращаясь, с судорожно шевельнувшимся лицом, к юноше в завитках.

Итак, господа, тут произошло одно странное обстоятельство. То есть странного тут не было ничего, а было, что называется, дело житейское, я просто-запросто вынул из кармана сверток бумаг, а он из своего сверток бумажек, только государственными...

Ассигнациями?

Ассигнациями-с, и мы поменялись.

Бьюсь об заклад, что тут пахло взятками, проговорил один солидно одетый и выстриженный молодой господин.

Пусть я буду либералом,

Каких много видел я!

И дым отечества нам сладок и приятен!

Поднялся общий смех.

А только, поверите ли, господа, я никогда не брал взятки, сказал Ползунков, недоверчиво оглядывая всё собрание.

Гомерический, неумолкаемый смех всем залпом своим накрыл слова Ползункова.

Право, так, господа...

Но тут он остановился, продолжая оглядывать всех с каким-то странным выражением лица. Может быть, кто знает, может быть, в эту минуту ему вспало на ум, что он почестнее многих из всей этой честной компании... Только серьезное выражение лица его не исчезало до самого окончания всеобщей веселости.

Итак, начал Ползунков, когда все поумолкли, хотя я никогда не брал взятки,

но в этот раз грешен: положил в карман взятку... с взяточника... То есть были кое-какие бумажки в руках моих, которые если б я захотел послать кой-кому, так худо бы пришлось Федосею Николаичу.

Так, стало быть, он их выкупил?

Выкупил-с.

Много дал?

Дал столько, за сколько иной в наше время продал бы совесть свою, всю, со всеми варьяциями-с... если бы только что-нибудь дали-с. Только меня варом обдало, когда я положил в карман денежки. Право, я не знаю, как это со мной всегда делается, господа, но вот, ни жив ни мертв, губами шевелю, ноги трясутся; ну, виноват, виноват, совсем виноват, в пух засовестился, готов прощенья просить у Федосея Николаича...

Ну, что ж он, простил?

Да я не просил-с...